

Варвара Жданова

Крещеный мир

О фильме Я.А. Протазанова «Сатана ликующий» (1917)

Способность возвыситься до общечеловеческого, наднационального взгляда, и в то же время, оставаться совсем русским, сказать нечто, понятное только соотечественнику, не бояться показаться наивным и невежественным, напротив, поклониться «старшим» в искусстве, стремиться к правде и любить сказки... Все это о кинематографе Протазанова и о его, пожалуй, самом загадочном фильме, полном неожиданных литературных, художественных ассоциаций – о «Сатане ликующем» (1917).

Фильм «Сатана ликующий» сохранился неполностью. Нет финала первой серии, завершения второй. Но и то, что осталось, позволяет нам сказать многое.

Не иначе, сценарий «Сатаны ликующего» (сценарист О. Блажевич) только послужил толчком к созданию этого замечательного фильма, а сам по себе представлял нагромождение формул демонического декаданса.

Картина тяготеет к народной сказке о черте. В финале - черт побежден, влюбленные счастливы.

Главный герой первой серии фильма – пастор (И. Мозжухин), оторвавшийся от живой жизни простых людей, даже прогулку на природе считающий соблазном. Он замыкается в четырех стенах, в посту и молитве проводит дни. Но его иступленные обращения к Богу - праздны. Его духовный мир беден, невыразителен. Пастор, не желая этого, вытравил из своей души все живое.

И вот в доме пастора появляется незнакомец (А. Чабров). Он не красивый, но привлекательный, нахохленный, сутулый и взъерошенный, как дворовая собака, с быстрой нервной улыбкой. Он поразительно, прекрасно импровизирует на фортепьяно. Незнакомец также быстро исчез, как появился, но давно остывший семейный очаг пастора разрушается окончательно. Это он,

незнакомец, толкнул пастора в объятия свояченицы и зажег ревностью сердце ее мужа.

Этот незнакомец – сатана.

Он – сатана в понимании пастора, который «додумывает» своего неожиданного гостя, приписывает ему «развращающую нравы» роль. Мы, зрители, видим этого «черта» глазами свихнувшегося на почве мистики пастора. Если простой народ склонен изображать сатану в виде скверного соседа, то неуравновешенный, нервно истощенный пастор видит в скверном соседе дьявола.

Писатель А. Амфитеатров, популярный перед революцией, в исследовании «Дьявол в быте, легенде и литературе средних веков» говорит, что народ всегда фамильярно приближает к себе сверхъестественное, и черт в народном понимании – вроде скверного соседа.

Незнакомец – человек искусства. Искусство врывается в затхлый мирок пастора, переворачивая все вверх дном, вытряхивая из души накопившийся сор.

Пастор этого вытерпеть не может.

Может быть, здесь речь идет даже не столько о музыке, сколько об искусстве кино, неожиданным гостем пробравшимся в устоявшийся привычный круг бытия. Кинематограф пугает своей яростной вульгарностью, диковатыми страстями, а по сути – совсем невинное дитя, от застенчивости драпирующееся в сатанинский плащ.

Во второй серии фильма действует сын пастора (И. Мозжухин). Вновь появляется таинственный незнакомец. Он – лже-друг сына пастора, юноши, талантливого музыканта.

Слышен пушкинский мотив «Влюбленного беса». Как известно, Пушкин составил только план этого произведения, разработанный потом в устном рассказе «Уединенный домик на Васильевском». «Влюбленный бес ... хочет погубить молодого человека. Он достает ему деньги, водит его повсюду».

Мир «Уединенного домика на Васильевском» - упорядоченный, солнечный, с четкими ориентирами добра и правды, несокрушимой верой. Не иначе, как в этом – «тайная прелесть» рассказа.

Более чувственное, осязательное, упоительно живое воплощение этой атмосферы находим в «Ночи перед Рождеством» Гоголя.

Скупой свет месяца, мир, заваленный, скованный снегами – безопасный и радостный, черт – «скверный сосед».

Подобный мир создает Протазанов в своем фильме. Зло будет неизбежно вытеснено из этого мира.

Стоит указать на преемственное сходство эпизода «Сатаны ликующего» (появление странного гостя в доме пастора) по отношению к сюжетно-композиционному решению пушкинского стихотворного отрывка «В еврейской хижине лампада...» (1826). Семья собралась темным вечером. Поздняя печальная трапеза. Старик, читавший Библию, закрыл книгу, «застежки медные сомкнул». Слышно, как на городской колокольне пробило полночь. Тяжелый стук в дверь. Ее отворяют.

И входит незнакомый странник.

В его руке дорожный посох.

На этом пушкинское стихотворение таинственно и заманчиво обрывается.

«Ночь перед Рождеством» Н.В. Гоголя впервые была экранизирована в 1913 году В.А. Старевичем.

Старевич (режиссер, сценарист и художник фильма), на редкость, бережно воспроизводит литературный первоисточник.

Старевич предстает как создатель поразительных для того времени «киночудес»: черт уменьшается в размере и ползает в карман к Вакуле; герои путешествуют по воздуху (черт смешно «плавает», поводя лапами); вареники, порхая, как белые бабочки, влетают в рот Пузатому Пацюку.

Гоголевский черт в исполнении Мозжухина улыбается по-звериному, радостно осклабя клыкастую морду. Грим и костюм черта удивительно органичны.

Гоголь упоминает, что у черта - собачье рыльце. Черт Мозжухина больше похож на кота.

Здесь можно было бы предположить вариацию на тему Бегемота, но роман «Мастер и Маргарита» еще не был написан. Черт Мозжухина – это проекция гоголевской традиции в будущее.

У Гоголя юркий черт похож на «губернского стряпчего». Черты провинциального чиновника – плута и хватата, но, одновременно, жалкого «маленького человека» показывает в своем персонаже Мозжухин.

Эту роль следует по праву отметить среди самых прекрасных актерских работ Мозжухина.

Фильм снимался в павильоне. Красиво падающий снег – искусственный, и его - очень мало. В фильме Старевича – мир обнажен, хрупок, незащищен.

Мотивы «Ночи перед Рождеством» Гоголя, интересно и неожиданно, трансформируются в одной из первых любимых зрителем советских картин – «Красных дьяволятах» И. Перестиани (1923).

Действие фильма происходит на Украине. В финале ребята притаскивают мешок из под муки буденовцам. В мешке оказывается сам батька Махно.

«Подмигнув своим друзьям, следопыт приказал:

- Эй, мешок, вставай!

Мешок зашевелился и действительно поднялся. От удивления все разинули рты.

Следопыт развязал узел, и перед изумленными взорами предстало покрытое мучной пылью, растрепанное и жалкое существо».

Красивая дивчина Оксана целует при всех Мишку-Следопыта.

В гоголевской повести в мешке, который тащил Вакула, третируемый красавицей Оксаной, оказывается черт - в общем, тоже жалкий, хотя – злой и изворотливый.

Обратим внимание на шуточную, как и в гоголевской повести, чертовщину в названии фильма.

Говоря об изобразительном решении «Сатаны ликующего» (оператор Ф. Бургасов), впору указать на древние иллюстрации к волшебным сказкам или позабытым романам, с их обстоятельностью бытописания и отчетливой прорисовкой красивого и уродливого, светлого и темного. Простые, тщательно выстроенные кадры не переходят границу естественности, когда изящество незаметно становится докучливым.

Первые кадры фильма. Сердитые, настороженные лица девочек-подростков в белых чепчиках. Глядят исподлобья. Церковь. Пастор читает проповедь. По тому, как держится пастор, можно заподозрить, что он не крепок в вере, хоть и экзальтирован. Вероятно поэтому, как разъясняет надпись, паства не любила его проповеди.

Запоминаются кадры, где показанный крупным планом быстро раскачивается церковный колокол, как бы передающий душевное смятение, волнение, биение сердца пастора, сбитого с толку незнакомцем-сатаной.

С колоколом «рифмуются» «портретные кадры» черта, «ожившего» в ночную бурю. Этот сатана, быстро поводя глазами и щерясь по-собачьи, скорее, хочет быть ужасным, чем действительно страшен.

Дом пастора – угрюмый, весь в острых углах и необжитых пустотах. Добропорядочный буржуазный круг, в котором живут сын пастора и его мать – уютненький и скучноватый. Азартная игра и доступные женщины – блуждание за болотными огоньками. Мир природы – чистый и радостный. Мучительное, неразрешимое бремя, тяготеющее над душой, соприкоснувшейся с неизвестным.

Свояченица пастора читает молитвенник и мимоходом смотрит за окно. Ах, нет! Это искушение! Снова смотрит. Совсем как влюбленная Лиза, глядевшая в окно на Германа, в протазановской «Пиковой даме». Наконец, молодая женщина вовсе задерживает беленькую занавеску. Солнце никогда не

заглядывает в дом пастора. Сам пастор тоже, читая священную книгу, быстро, с презрением, захлопывает окно.

«Пиковая дама», поставленная примерно за год до «Сатаны ликующего», оказала влияние не только на этот фильм, но и на многие последующие картины режиссера.

Объединяющая два фильма – тема «игры». «Некто» подбивает сына пастора к азартной игре: «Ставьте на 13, чертову дюжину». В «Сатане ликующем» появляется и возлюбленная – невинная и простодушная, как Лиза.

Поссорившись с матерью, молодой герой замыкается в злом молчании, на противоположной стене мы видим откинутую тень – его гордый профиль. Это автоцитата. В протазановской «Пиковой даме» в момент, когда в душе Германа разрастались темные мечты, позади него на стене появилась большая тень – мифистофельский профиль. И в этом, и в другом фильме героя, захваченного злыми помыслами, играл Мозжухин.

Мастерством Мозжухина составляется противоречивый характер пастора: природы страстной, очевидно честолюбивой. Но пастор – сжат, изломан, не согрет внутренним огнем веры. Этот суровый аскет, вероятно, подозревает в себе неверие и поэтому сам себе неприятен, противен, и окружающие недружелюбно сторонятся его. Он мучается в своей замкнутости.

Во второй серии герой Мозжухина (сын пастора) – сначала милый, веселый молодой человек, скорее долговязый мальчик – талантливый и простодушный, немного тихоня и «маменькин сынок».

Светлая большая комната. В белой широкой пижаме, похожей на балахон Пьеро, он подходит к роялю. ...Ему попались ноты, когда-то оставленные страшным гостем: «Гимн ликующего»...

Сатанинские чары меняют наивного Пьеро. Он делается холодным светским эгоистом.

Вот, скрестив руки на груди (пальцы – цепкие, птичьи), он спрятался за портьерой. Он похож на птицу в клетке, накрытой платком. Он потерял веру,

наверно, мысленно твердит: «Никогда!». Как ворон из стихотворения Эдгара По.

Свояченица пастора (Н. Лисенко) – сначала сельская простушка, потом, полюбив пастора – почти ведьма, наконец, во второй серии – светская дама буржуазного круга.

Актер А. Чабров, в отличие от Мозжухина и Лисенко, не был кинознаменитостью, но в этом фильме в роли сатаны оказался более чем достойным партнером. Он привнес в роль много сказки и иронии, он стал незабываемым «оборотнем-собакой».

Вот пастор пытается благословить гостя, черту это, конечно, неприятно. Он вбирает голову в плечи, покорно морщится, выглядит как дворняга, прижавшая уши.

«Оборотень-волк» ненавидит людей, и люди ненавидят его. «Оборотень-собака» людей обожает, но те почему-то гонят от себя. Ну и не надо. Пожалеете еще!

Тронул губу,

а у меня из-под губы –

клык!

Скорее закрыл лицо, как будто сморкаюсь...

[...]

Смяли старушонку.

Она, крестясь, что-то кричала про черта...

[...]

...Толпа навалилась,

огромная,

злая...

В.В. Маяковский «Вот так я сделался собакой» (1915)

«Портретные кадры» сатаны, где он, голый по пояс, съежился, с головой завернулся в черную хламиду и нырнул в темноту... Этот кинематографический «портрет» сатаны по прямой линии восходит к облику

Мефистофеля, созданному Шаляпиным (более в опере А. Бойто, чем Ш. Гуно) и Анатэме В.И. Качалова – роли, сыгранной в спектакле Художественного театра.

Известна любовь Протазанова к Художественному театру. Предпосылкой к съемкам «Пиковой дамы» явился спектакль МХТ по «Маленьким трагедиям». Вероятно, «Анатэма» по пьесе Л. Андреева, с Качаловым в роли «голового» сатаны («могучий гибкий торс с торчащим ребрами», «собачья челюсть»), также запал в душу.

«На другой день после спектакля я встретился с Качаловым: высокий худощавый молодой человек, приятно-незначительной наружности, близорукий, с милым серьезным лицом среднего интеллигента... И чудом кажутся эти ужасные движения ящерицы и тигра... И видишь Анатэму... Неужели он выйдет сейчас за кулисы и скажет устало театральному парикмахеру:

- Никифор, поправь-ка, любезный, мне паричок!»

А. Аверченко «Московский Художественный театр. «Анатэма» Леонида Андреева» (1909)

Отвечая на вопрос о гриме – «страшной маске» своего демона, Качалов показывал фотографии химер парижского Нотр-Дам. Химера сливалась с окарикатуренным изображением Победоносцева (правительственный реакционер, в 1880-1905 годах – обер-прокурор священного Синода).

Зрители мхатовского спектакля навсегда запомнили Качалова в роли Анатэмы. «Качаловская «Анатэма» живет и поныне в моем воображении», - писал уже в конце 1950-х годов А. Мариенгоф.

Ф.И. Шаляпин неизменно настаивал, что Мефистофеля нужно изображать голым, и очень интересно и точно обосновывал свою мысль. В книге «Маска и душа» Шаляпин говорит, что Мефистофель - фигура, не связанная с бытом, реальной обстановкой, фигура - абстрактная, математическая.

16 марта 1901 года в знаменитом миланском театре «Ла Скала» состоялось триумфальное выступление Шаляпина в главной роли в опере А. Бойто «Мефистофель».

«Мефистофель распахнул черное покрывало, в которое закутан с головы до ног, и показались великолепно гримированные голые руки и наполовину обнаженная грудь. Костлявые, мускулистые, могучие.

Решительно, из Шаляпина вышел бы замечательный художник, если б он не был удивительным артистом.

Он не только поет, играет, - он лепит на сцене.

Эта зловещая голая фигура, завернутая в черное покрывало, гипнотизирует и давит зрителя».

В. Дорошевич «Шаляпин в «Scala» (1901)

Премьера «Анатэмы» состоялась в Москве в октябре 1909 года.

«Зашевелился Анатэма, выдвинул свою собачью губу...»

А. Аверченко «Московский Художественный театр...»

Очевидно, воспоминание об этом спектакле надолго поселилось в душе Протазанова. В 1927 году он снимет фильм «Белый орел», где ясно различим отзвук «Анатэмы». Фильм поставлен также по произведению Л. Андреева. Главную роль здесь играл Качалов. «Белый орел», как и «Анатэма», - рассказ о человеке и его демоне. Только Качалов играет жертву, а не духовного обольстителя. Старый царский сановник, отвратительно дряхлый и «мертвый» уже при жизни (В.Э. Мейерхольд), покровительствует губернатору (Качалов). Старый сановник – фигура, при своей реалистичности, отчетливо inferнальная. Это истинный демон.

При создании грима Мейерхольд использовал портретные изображения все того же Победоносцева.

Демон, сбивающий с толку подопечного...

Шаг в сторону.

В середине XIX века, когда вышел роман «Обломов» И.А. Гончарова, тогдашний критик весьма оригинально охарактеризовал Штольца, попутно,

полусознательно описав образ черта, истинного демона, бытующий в русском сознании.

«Обломову является Штольц – его Мефистофель, его двойник, его парадоксальное и неумолимое противоречие».

«...Существо бездомное и безродное, ограниченное, тупое, не привязанное ни к чему, кроме ежедневного барыша и заработка...».

Митрополит Московский и Коломенский осудил пьесу Л. Андреева «Анатэма» как «богохульнейшую карикатуру на христианство», епископ Прилукский называл «Анатэму» «публичной проповедью безбожия и антихристианства».

После доклада ректора Петербургской духовной академии Синод постановил запретить духовенству читать и хранить у себя пьесу. Появились слухи о недовольстве пьесой в придворных кругах. 9 января 1910 года циркуляром Столыпина постановка «Анатэмы» запрещалась повсеместно.

10 января 1910 года состоялось последнее тридцать седьмое представление «Анатэмы» во МХТе.

Запрещение мхатовского шедевра не могло не вызвать глухого раздражения в кругах художественной интеллигенции. Можно предположить, что гонения духовной цензуры на спектакль «Анатэма» отложились в памяти Протазанова. В «Сатане ликующем» пастор пытается изгнать «врага рода человеческого», которого он узрел в своем талантливом госте.

Современный Л. Андрееву критик очень пронизательно замечает об авторе «Анатэмы»:

«Он творит своего Анатэму из собственной души – из современной, безхарактерной, бессильно мечущейся души, наглухо замкнутой от жизни, отрезанной от нее привычкой непрерывного самонаблюдения».

Сказано как будто о протазановском пасторе, который сам силой воображения сотворил дьявола и сам страшится его. В «Сатане ликующем» осуждается цензурная «охота на ведьм», и одновременно, мастерством

Мозжухина, рисуется картина творческого сознания, истощенного невротическими фантазиями.

В «Сатане ликующем» звучит толстовская тема.

«Гимн ликующего», который играет «некто» - почти «крейцера соната» - музыка, пробуждающая преступную страстность, обнажающая греховные помыслы.

Дьявол ночью в непогоду стучится в уединенный дом пастора. Нетрудно заметить реминисценцию из «Отца Сергия» - распутная Маковкина просится на ночлег в келью.

Не пройдет и года после «Сатаны ликующего», как Протазанов снимет экранизацию «Отца Сергия».

Отец Сергей молится в келье. Маковкина уже в пути. Крупный план: дергаются колокольчики на дуге.

В «Сатане ликующем», снятый крупным планом, раскачивается церковный колокол.

Метафоры призыва и надежды...

Маковкина вовсе не «простая, добрая, милая, робкая женщина», а неугомонный дьявол, как вовремя догадывается отец Сергей. В «Сатане ликующем» проявилось любование глубиной художественной образности позднего Толстого и осознание «перехлестов» его философии.

Ну, послушайте, дети: жил-был в старые годы

Живописец, католик усердный.

Пушкинский отрывок 1831 года состоит только из приведенных двух строк. Протазанов был усердный читатель Пушкина и, вероятно, как создатель «Сатаны ликующего», не остался равнодушным к наивному обаянию старины и едва намеченному простодушному намеку на «мистику», качествам отличающим этот ритмически выразительный отрывок.

В антикварной лавке пастор видит старую картину, ей уже 200 лет. На портрете он узнает своего гостя. Ночью пастор крадет картину и прячет ее у

себя. Портрет таинственно влияет на его жизнь. Пастор закрывает портретом образ Святой Девы и под ним объясняется со свояченицей в преступной любви.

Муж свояченицы – художник, тоже пытается набросать изображение страшного гостя.

«Окна, как нарочно, были заставлены и загромождены снизу так, что давали свет только с одной верхушки. «Черт побери, как хорошо теперь осветилось его лицо!» - сказал он про себя и принялся жадно писать, как бы опасаясь, чтобы как –нибудь не исчезло счастливое освещение. «Экая сила! – повторил он про себя. – Если я хотя вполтину изображу его так, как он есть теперь, он убьет всех моих святых и ангелов; они побледнеют перед ним».

Н.В. Гоголь «Портрет»

Следы гоголевской повести отчетливо проступают в фильме. Жизнь сатаны сверхъестественной силой держится в портрете, и он присутствует в мире.

Во второй серии портрет обнаруживается среди раритетов коллекции знакомого богатого банкира. Сын пастора видит портрет, и дьявольское заклятие снова вступает в силу. У Гоголя читаем:

«Может быть, тебе случится увидеть где-нибудь тот портрет, о котором я говорил тебе. Ты его узнаешь вдруг по необыкновенным глазам и по неестественному их выражению; во что бы то ни стало истреби его...».

В финале фильма мать сжигает портрет. Заклятия больше нет.

«Чудно устроено на нашем свете! Все, что ни живет в нем, все силится перенимать и передразнивать один другого».

Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством»

В фильме Протазанова отзвук гоголевского «Портрета» парадоксальным, на первый взгляд, образом соединяется с «Портретом Дориана Грея» Оскара Уайльда (роман – популярнейший перед революцией).

В романе Уайльда портрет также обретает возможность влиять на жизнь владельца, человек и картина оказываются духовно связанными. Постепенно темные помыслы охватывают владельца портрета, он нравственно гибнет.

Художник Чартков одинок «с мертвецом внутри наместо сердца». Дориана угнетает «смерть его собственной души, мертвой души в живом теле».

Роман Уайльда связан с гуманистической проблематикой русской литературы. Портрет отображает, «принимает на себя» грехи Дориана. Вечная мечта всех негодяев – отделаться от собственной совести...

Влияние «Портрета Дориана Грея» проявляется во второй серии протазановского фильма. В начале второй серии сын пастора, как и Дориан – простоватый молодой человек. С течением времени сын пастора, подобно Дориану, становится «мертвенным» денди.

Герой протазановского фильма выступает как пианист на благотворительных концертах. В романе Уайльда знакомая дама называет Дориана Грея музыкантом:

«Прелестный мальчик... мы с его бедной матерью были неразлучны... Забыла, чем он занимается... Боюсь, что ничем... Ах да, играет на рояле... Или на скрипке, дорогой мистер Грей?».

В этой характеристике «всплывает» воспоминание о матери Дориана. В фильме Протазанова юный герой очень привязан к матери, почти неразлучен с ней.

Мы говорили о влиянии «Уединенного домика на Васильевском» на вторую серию «Сатаны ликующего». Можно заметить сходство в цепочке героев «Уединенного домика» и «Портрета Дориана Грея».

Молоденькая невинная героиня - Вера и Сибилла Вейс – юная актриса, которую любит Дориан. Молодой герой и его злой гений: Павел и бес Варфоломей, Дориан и лорд Генри.

Лорд Генри «лукавыми» речами лишает мир объединяющего начала веры, надежды...

«Мой мальчик, поверхностными людьми я считаю как раз тех, кто любит только раз в жизни. Их так называемая верность, постоянство – лишь летаргия привычки или отсутствие воображения. Верность в любви, как и

последовательность и неизменность мыслей, - это попросту доказательство бессилия...».

Здесь мы подходим к интереснейшей находке. Сатана во второй серии протазановского фильма – вылитый Мейерхольд в роли лорда Генри.

Как уже говорилось, несохранившийся фильм «Портрет Дориана Грея» был поставлен Мейерхольдом в 1915 году.

Возможно, вся проблематика романа Уайльда была воспринята в «Сатане ликующем» через трактовку Мейерхольда.

На сохранившихся фотографиях видим лорда Генри: прямой пробор, фрак, джентельмен с головы до ног, демон, искушающий со светской учтивостью.

Мейерхольд сравнивал работу киноактера и оператора с мастерством пианиста, добивался музыкального ритмического построения картины.

Вероятно, ему это удалось и фильм прозвучал завораживающей страстной мелодией, этим поразил восприимчивого Протазанова и отозвался в «Сатане ликующем» темой дьявольски прекрасной музыки.

Мысли Мейерхольда об экранизации были близки и Протазанову.

«Когда инсценируется роман, то вся трудность состоит в том, что надо передать на экране не только фабулу, но и всю атмосферу романа. Весь дух романа должен как-то проступить на экране...»

...Освещая то картину Уайльда, то картину Достоевского, оператору надо столкнуться с режиссером и декоратором, чтобы ощутить различия в принципе освещения».

Далее Мейерхольд говорит о «гофмановском» решении некоторых сцен фильма.

«В картине «Портрет Дориана Грея» сцена перед афишей, у решетки дома, сцена, когда несут портрет по лестнице в курильню опиума... Здесь собирание света на фигурах таково, что напоминает нам творение Гофмана...»

В «Белом орле» Мейерхольд с изумительным мастерством вылепил образ старого демона-сановника.

Нельзя не заметить, что яркая до гениальности «мейерхольдовщина» в протазановском кинематографе привносит с собой оттенок инферральности.

Может быть, дело - в декларированной Мейерхольдом «безбытийности» в искусстве. Торжества обнаженной высчитанной абстракции. С другой стороны, определения черта - как «голового», «безродного и бездомного», «пустого механизма»...

А. Мариенгоф, лично хорошо знавший Мейерхольда, пишет о нем в книге воспоминаний: «Если Станиславский был богом театра, то Мейерхольд его сатаной».

Протазанов, приверженный иным художественным ценностям, чем Мейерхольд, в высшей степени наделен даром понимания «чуждого лагеря» в искусстве.

Восприятие Мейерхольда двойственно. Тема художника – неразгаданного, осужденного («нет пророка в своем отечестве»), тоже отчетливо прозвучала в «Сатане ликующем».

«Сатана ликующий» вышел на экраны в октябре 1917 года.

«Евгений Онегин» своим финалом «выводит» в жизнь, в жизнь читателя. «Ершалаимские главы» «Мастера и Маргариты» ведут в жизнь Москвы 1920-х годов. Протазановский фильм своим страшным названием «открывал» взметенную, взвихренную страну.

Искусство, которое «открывается» в жизнь...

Смутный шорох надвинувшихся вплотную темных дней угадывается в названии фильма.

Приложение.

В качестве приложения публикуется тематическая подборка стихов

В. Ждановой.

Балаганчик. Фауст, Гретхен и черт.

Представление в балаганчике.

Это - почти балет.

Актеры представляют

Фауста и Гретхен.

А черт

Представляет

Сам себя.

Но он –

Очень скромн

И мил,

Как ученая собачка.

У него – хвост с кисточкой,

Большие рога,

Копытца

И морда веселая,

Как у теленка.

Маргарита добра

И прекрасна собою.

У нее – пышные волосы,

И тонкая талия,

И нежные руки,

И темное платье,

И старомодные туфли

Без каблуков.

Фаусту грустно
И одиноко.
Он полюбил
Маргариту (Гретхен).
Ходят слухи,
Что черт
Сводил влюбленных.
Фауст звал его
Мефистофелем.
Представление закончится
Общим поклоном.
А черта
Можно
Погладить по шерстке
Всем по очереди.

Фантазия на мотивы «Фауста»

...Торопливо подписанная
Сделка
С вкрадчивым дьяволом.
Гусиное перо выпадает
Из дрожащих рук.
Дьявол когтистой лапой
Треплет дебютанта по плечу...
Нет, это – всего лишь солнечный луч
За пыльным стеклом.
Все приснилось...
Фауст сидит в департаменте,

Разбирая бумаги:

Сплетни, доносы и кляузы.

Он вспоминает галерею в провинции.

Там была фотография:

Розовощекая Маргарита

Держит пушистый розовый цветок.

Маргарита и сейчас сидит на крылечке,

Болтая ногами.

Кружева – до колен, и маргаритка

Приколота на груди.

Ученый пудель на цепочке

Ходит вдоль низкой ограды садика,

По временам, вскидывая на плечо

Игрушечное ружье.

Фауст и Мефистофель

Проиграть золотые леса,

Проиграть голубые фиалки,

Землю, шкуру свою, небеса,

Рождество, огоньки, елки-палки...

Как безмозглый циркач напоследок

По канату пройти без страховки.

Все равно уже, так или эдак,

Манит черт, бесполезны уловки.

Тесно в поле, и жарко в сугробе.

Знаю я, он надежды обрушит.

Он развесил в своем гардеробе
Будто платья, заблудшие души.

Биография

С виду
Он напоминал человека.
Изъян был сперва незаметен.
У него не было совести.
Как же так?
Каждому дается совесть,
Как бесплатное приложение
К душе и мозгам!
Возможно,
Еще в период его детства
(он был дохлым,
Но амбициозным ребенком)
Его совесть подружилась
С каким-нибудь
Сложно-синтезированным роботом.
Бывают очень хорошие роботы.
Во всяком случае,
У него совести не было.
В пустую комнату,
Где она должна была обитать,
Он издавна складывал
Денежные поступления.
Он точно не решил,
Женщина он или мужчина,

Маргарита или Фауст.
Он оглядывался в поисках Мефистофеля.
Претенденты не могли пройти
Затейливой кинопробы.
Претенденту на роль друга-искусителя
Сразу хотелось
Ударить его тяжелым предметом
По ангельски-кудрявой головке...

.....
.....
Народившегося младенца
Он отдал на воспитание
В джунгли,
С рук на руки – доброму волку...

.....
.....
Теперь он обзавелся
Несколькими огромными чемоданами
И переезжает
Из города в город
С научно-просветительскими лекциями
О своей судьбе.
Вы узнаете его
По ищущему взгляду.
Он потерял
Своего Мефистофеля.

Гретхен

(отрывок)

Мир красных яблок,
Серебряных клеток,
Золотых рыбок,
Книг в обтрепанных обложках.
Почему-то принято считать,
Что он был стариком.
Нет, это Мефистофель
Был престарелым провокатором.
А он был молодым человеком
И только выбирал сферу деятельности.
Что-то вроде электроники,
Нечто среднее, между
Археологией и астрономией.
Она поила его чаем с печеньем,
Ловко управляясь на кухне.
А потом, мусоля карандаш,
Писала доносы в тайную полицию.
Дескать: что говорил,
Над чем смеялся,
Почему был расстроен.
Мефистофель
Клал эти доносы под сукно.
Так он познакомился с Мефистофелем.
А потом он нашел
Черного пуделя,
Или черный пудель
Нашел его.

Опять-таки вздор:
Считают,
Что это собака Мефистофеля.
Потом он совершил открытие
Государственной важности.
Что-то из сферы
Высоких технологий.
Как заворачивать
Облака в фантики,
Или что-то вроде этого.
Она, несмотря
На уговоры Мефистофеля,
Была начеку.
Держала наготове
Сачок для бабочек...

Соседи

(иронический абсурд)

1. Сумеречная формация

Они проигрались.
Они
Появляются
Из сумерек,
Сбиваясь в скульптурные композиции.
И говорят
На куцем и ломанном языке.

Они
Накладывают на лица
Отчаянное количество
Пудры и румян.
Они
Проходят
Сквозь стены.
Натыкаются
На презрительный взгляд
И оплывают,
Как свечки.

2. Предводитель

Он ощупью
Ориентируется в пространстве.
У него тонкие лапки
На присосках.
Уже совсем слаб.
Они знают это,
Но скрывают.
На ночь укладывают его
В шкатулочку.
Утром наряжают
И водят гулять
На бульвар.

Соседка-ведьма

(ироническое в жанре сюрреалистичного абсурда)

Если когда-нибудь
Я скажу,
Что прячу под пальто
Сияющие белые крылья,
Тогда - да,
Можно будет ответить,
Что у меня развивается
Мания величия.
А так - нет.

Но я не люблю
Своих соседей.

Она была моей соседкой.
Ничего такого особенного
Не могу отметить
Ни в ее облике,
Ни - в манерах.

Однажды
Поздним вечером
Я гуляла с собакой.
И видела,
Что к ней
Явились
Посланцы Святой Инквизиции.

Так я узнала,
Что она - ведьма.

Скоро ее отпустили.
Но что-то в ней надломилось.

Теперь
Она
Живет в пустой консервной баночке.
И не запирает
Дверцу на ночь.

Безумие

Жил-был король.
Несколько раз в год
Он появлялся
На торжественных выходах
И дипломатических приемах.
В остальное время
Он был свободен.
Жалованья ему не платили.
Он выращивал на подоконнике
Зеленый лук и фиалки
И торговал в зеленой лавочке.
Однажды он продал
Камушек со своей короны
И устроил эшафот
На центральной площади города.

Водя пальцем
По списку сотрудников,
Он казнил на площади
В полном составе
Министерство финансов
И Министерство труда и занятости.
Так король выбил себе
Денежное довольствие.
Он арендовал
Для своей зеленой лавочки
Уютный подвальчик.
Король жил припеваючи,
Пока инкогнито на троллейбусе
Не приехал один человек,
Который выяснил,
Что в королевской
Зеленой лавке,
Под видом овощей,
Продают человеческие головы.
Короля забрали
В сумасшедший дом.
Лавочку закрыли.
На этом
История и окончилась.
Впоследствии возникла идея
Поставить художественный фильм
По этому сюжету.
По большому счету,
Фильм оказался
Творческой неудачей

Знаменитого режиссера.

Придя в подвальчик,

Ставший музеем,

Режиссер застрелился.

Madness

There lived a king.

Several times a year

He appeared

At the solemn outputs

And diplomatic receptions.

The rest of the time

He was free.

Salary he was paid.

He grew up on the window sill

Green and violet onion

And traded in the green bench.

Once he sold

The stone with his crown

And made the scaffold

On the Central square of the city.

Finger

The list of employees

He was executed at the square

In full

The Ministry of Finance

And the Ministry of labour and employment.

So the king knocked himself

Money allowances.
He rented
For its green benches
The cosy cellar.
The king lived in clover,
While incognito on the trolleybus
Came one man,
Who found out
In the Royal
Green shop,
Under the guise of vegetables,
Sell a human head.
The king took
In a madhouse.
The shop was closed.
On this
The story ended with.
Subsequently, the idea arose
To put the feature film
On this plot.
By and large,
The film was
Creative failure
Famous Director.
Coming into the cellar,
Now a Museum,
The Director has shot himself.

Хроника событий в республике
(абсурдная история)

В одной Республике,
Удаленной от центра,
Часто вспоминали
Своего великого президента
Из древних времен.
Он покровительствовал
Ученым-изобретателям,
А сам раньше работал
Иллюзионистом в цирке.
При нем в Республике появились
Скатерти-самобранки,
Сапоги-скороходы,
Аэроплан
И несколько автомобилей.
И разноцветные лампочки,
Которые сами собой
Загорались в темноте
И не требовали подзарядки.
К нынешнему президенту
Народ относился снисходительно.
Часто вечерами
Президент инкогнито
Ходил по улицам,
Чтобы подслушать
Разговоры о себе.
Его всегда узнавали.
Но не подавали вида.

Только одна женщина
В валенках
И шляпке с вуалью
(А за ее каретой
Всегда бежал телевизор на ножках)
Составляла оппозицию.
Кажется,
Она была бывшей женой
Нынешнего президента.
Позднее
Агенты Святой Инквизиции
Изобличили ее,
Как ведьму.
Но кто-то,
Таинственным образом,
Вывел ее из-под суда.
Один писатель
Из местных деятелей культуры
Написал документальную повесть
«Хроника событий в Республике».
Его обвинили в очернительстве.
И даже хотели расстрелять.
Но потом просто выслали
За границу.
Чему он, по правде говоря,
Был очень рад.
Есть подозрение,
Что он к этому и стремился.

Проданное имя

(мистический отрывок)

Один человек

Продал свое имя дьяволу

За деньги.

Дьяволу нужны были

Новые личины и образы.

По условиям контракта

Этот человек

Не смел больше

Быть самим собой.

Иногда, очень редко,

По предварительной договоренности,

Ему разрешалось

Сыграть самого себя

В своем родном городке,

В течение получаса,

Скажем,

На встрече одноклассников.

Проданное имя приобрело известность.

Дьявол

Перевоплощался в персону

Большого света.

Человек без имени

Затерялся в толпе.

Однажды весной

Он приехал в свой городок,

Чтобы, согласно контракту,

Сыграть самого себя,

Встретившись с какими-то
Второстепенными поклонниками.
И тут его настигло известие
О внезапной смерти дьявола.
Скоро пришла телеграмма
О расторжении контракта.
Холодея от счастья,
Огромными порциями
Глотая весенний воздух,
Он побрел по загородной дороге,
Постепенно обретая самого себя.
Он видел фиалки
На опушке соснового леса,
Ольху - желтую, как солнце,
Первый Павлиний глаз,
И прочие интересные вещи.

